

Павел Успенский

«Дыр бул щыл» А. Кручёных как мнемонический эксперимент¹

Pavel Uspenskij

Alexei Kruchyonykh's «Dyr bul shchyl» as a Mnemonic Experiment

Павел Успенский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор школы филологических наук; доктор филологических наук
puspenskij@hse.ru.

Pavel Uspenskij

Doctor of Sciences; Professor, School of Philological Studies, HSE University
puspenskij@hse.ru.

Ключевые слова: авангард, русский футуризм, заумь, «Дыр бул щыл», А. Кручёных, М. Ларионов, история психологии, Г. Эббингауз, мнемоника, поэзия и научные дискурсы

Keywords: Avant-garde, Russian futurism, Zaum, «Dyr bul shchyl», Alexei Kruchyonykh, Mikhail Lariонов, history of psychology, Hermann Ebbinghaus, cultural mnemonics, poetry and scientific discourses

УДК: 82–1 + 159.9.015

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_235

UDK: 82–1 + 159.9.015

DOI: 10.53953/08696365_2025_196_6_235

Статья посвящена главному тексту русского футуризма — стихотворению А. Кручёных «Дыр бул щыл», опубликованному в начале 1913 года. Основываясь на очевидной, но от этого не менее важной идее, что стихотворение Кручёных лишено смысла, в первой части статьи я критически рассматриваю предложенные филологами источники текста и его прочтения. Основная часть статьи посвящена анализу контекстов стихотворения, ранее не привлекавших внимания исследователей: позитивистской психологии рубежа XIX–XX веков (тесты, измеряющие воображение; эксперименты Г. Эббингауза, посвященные формализации механизмов памяти). Отдельное внимание уделяется иллюстрации к тексту М. Ларионова. В свете психологии эпохи модернизма «Дыр бул щыл» оказывается не только стихотворением, заимствующим элементы из психологических опытов, но и мнемоническим экспериментом, проведенным уже не в лаборатории, а в пространстве культуры.

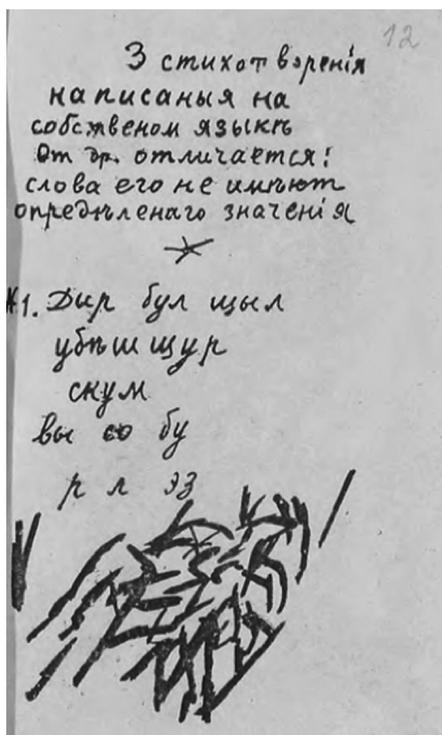
The article is devoted to the most significant text of Russian Futurism — Alexei Kruchyonykh's poem «Dyr bul shchyl», published in early 1913. Based on the obvious, but no less important idea that Kruchyonykh's poem is meaningless, in the first part of the article I critically examine the sources of the text and its readings proposed by philologists. The main part of the article is devoted to the analysis of the contexts of the poem, which have not previously attracted the attention of researchers: positivist psychology of the turn of the 19th and 20th centuries (tests measuring imagination; Hermann Ebbinghaus' experiments which were devoted to the formalization of memory mechanisms). Special attention is paid to Mikhail Lariонов's illustration to the text. In the context of modernist-era psychology, «Dyr bul shchyl» turns out to be not only a poem using scientific discourse, but also a kind of mnemonic experiment, conducted not in a laboratory, but in the space of culture.

и сатанинский дыр бул щыл, —
ты где, скажи, его стащил?

Харджиев Н. «Мадригал»

Едва ли можно найти работу об авангарде, в которой нет наблюдений над природой зауми. Заумный язык — при всей гетерогенности футуризма — отличительная черта авангардной поэзии. Среди заумных опытов текст А. Кручёных —

1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–18–00352, <https://rscf.ru/project/24-18-00352/>.

Ил. 1. Страница из сборника А. Кручёных «Помада» (М., 1913). Рис. М. Ларионова.

самый знаковый и чистый. В нем заумь впервые предстала тотальным, ничем не мотивированным и эстетически самоценным языком. «После того, как было написано классическое “Дыр бул щыл”, — язвительно и небезосновательно заметил В. Ходасевич в скандальной «Декольтированной лошади» (1927), — писать уже было, в сущности, не к чему и нечего: все дальнейшее было бы лишь перепевом»². «Дыр бул щыл» (соч. в дек. 1912, опублик. в февр. 1913; ил. 1), в самом деле, несущая опора в конструкции зауми и, шире, футуризма, и тем важнее понимать, в каких контекстах возникли эти стихи и что они из себя представляют.

Эта статья претендует на описание нового контекста «Дыр бул щыл» и отчасти — на новую «интерпретацию» текста. Кавычки здесь неслучайны — я убежден, что *стихотворение лишено формализуемого смысла*. Я также убежден, что нет оснований не верить авторской ремарке, предвещающей публикацию «Дыр бул щыл»

в составе триптиха: «3 стихотворения написанные на собственном языке от др. отличается: слова его не имеют определенного значения» (ил. 1)³. Попытки современников, а иногда и исследователей наделить значением отдельные элементы текста и его дешифровать представляются наивными и нелепыми⁴. Они

- 2 Ходасевич В. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. М.: Русский путь, 2010. Позиция Ходасевича не кажется адекватной сторонникам и продолжателям футуристической эстетики, существующим в режиме «солидарного чтения» авангарда (см.: Панова Л. Мнимое сиротство: Хлебников и Хармс в контексте русского и европейского модернизма. М.: Изд. дом ВШЭ, 2017). Однако в перспективе эволюции русской поэзии ветвь чистой зауми оказалась боковой в отличие от имплантации заумных элементов в незаумные стихи.
- 3 Кручёных А. Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера / Сост., подгот. текста и примеч. С.Р. Красовицкого. СПб.: Академический проект, 2001. С. 55. См. также признание Кручёных в письме к А. Шемшурину от сентября 1915 года: «...если кому-то большего всего нравится, как написано, напр., “Тэ ли лэ” <...>, а не смысл его (беззубый смысл, которого, кстати, в заумных <стихах> и нет) и не практическая сторона (таковой в зауми тоже нет) — то, кажется, такой любитель прав» (Кручёных А. Письма к А. Шемшурину и М. Матюшину. 1913–1921 / Предисл., подгот. текста, примеч. А. Крусанова. М.: Гилея, 2012. С. 29–30).
- 4 Таким, например, представляется прочтения Д. Бурлюка, увидевшего в первой строке сокращение слова *дыра* и далее цепочку аббревиатур: «дырой будет уродное лицо счастливых олухов» (Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. С. 43). Существуют и другие фантастические прочтения текста (Т.В. Коренькова и др.).

не только лишний раз поддерживают иллюзию тотальной осмысленности реальности, но и разрешают историческую скандальность произведения.

При этом я не имею в виду, что «Дыр бул щыл» вовсе не активизирует смутных смысловых комплексов в сознании читателей, — как и всякая последовательность графем/звуков языка, текст Кручёных неизбежно запускает языковые и семантические ассоциации. Однако они остаются субъективными и исторически обусловленными⁵. Приписывать их тексту в качестве объективных значит поддаваться все тому же соблазну телеологичности мира и вытеснять из пространства культуры подрывающее ее произведение. «Дыр бул щыл» в этом плане напоминает тест Роршаха, в котором трактовка клякс свидетельствует о воображении испытуемого, а не о значении самих цветковых пятен (к известному тесту я вернусь ниже).

Раз текст лишен смысла, он не может быть интерпретирован, а в репертуаре исследователя остаются только вопросы генезиса и функционирования произведения, к его смыслу, точнее — к его смысловому зиянию, отношения не имеющие. Как я хочу показать, не обсуждавшиеся до сих пор источники «Дыр бул щыл» увязывают интеллектуальный контекст, прагматику и бытование текста, и именно смысловая рамка, а не семантизация элементов текста обесценивает новую интерпретацию авангардного шедевра.

Прагматика стихов Кручёных не вызывает сомнений: «Дыр бул щыл» — литературная провокация, шокирующая читателя / слушателя. Текст проводил новую демаркационную линию между «искусством» и «не искусством», и само смещение границ вызывало и до сих пор способно вызывать у реципиента когнитивные и эстетические затруднения. Стихотворение, как многократно отмечалось, соотносится и с манифестами гилейцев, в том числе самого Кручёных, и с атмосферой скандала и провокации, столь важной для футуристов.

Хотя бытование «Дыр бул щыл» еще нуждается в подробном описании, очевидно, что текст быстро стал эмблематическим, а его первая строка / первые строки многократно воспроизводились публицистами, мемуаристами и интеллектуалами, интересующимися модернизмом⁶. В литературе 1920–1930-х годов, в поэзии в диапазоне от Я. Сатуновского и А. Кондратова до А. Скидана и

5 Так «дешифровка» Бурлюка была связана с его симпатиями к коммунизму, о чем он написал в воспоминаниях (Там же. С. 41). Видя в «Дыр бул щыл» предтечу советского проекта, он воспринял текст Кручёных как политический жест. Д. Янечек резонно предполагал, что у текстов триптиха Кручёных нет конкретного смысла, однако при этом приписывал им почти объективные ассоциации. Так, в «Дыр бул щыл» «внятен намек на эротическую трансценденцию», поскольку «ДЫР и БУЛ — круглые места, но одно пустое, другое заполненное; ДЫР и ЩЕЛЬ — пустые места, но одно круглое, а другое узкое» и т. п. (Янечек Д. Стихотворный цикл А. Кручёных «Дыр бул щыл» // Проблемы вечных ценностей в русской культуре и литературе XX века / Сост. и науч. ред. В.И. Хазан. Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет, 1991. С. 38–39, 42). См. также: Janeczek G. Zaum: The Transnational Poetry of Russian Futurism. San Diego: San Diego State University Press, 1996. P. 49–70. Хотя причины такого восприятия остаются за рамками статьи, важно вспомнить точное замечание Г.А. Левинтона: тексты с неопределенной семантикой имеют тенденцию восприниматься как обценные (Левинтон Г.А. Заметки о зауми. 1. «Дыр бул щыл» // Левинтон Г.А. Статьи о поэзии русского авангарда. Helsinki: University of Helsinki, 2017. С. 23).

6 Выборочный список см.: Кручёных А. Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера... С. 412–417.

И. Булатовского можно найти множество рефлексов «Дыр бул щыл», которые и усиливают, и подтверждают его канонический статус⁷.

Прагматика и бытование не так остро интересовали филологов, как генезис стихов Кручёных. Хотя источники «Дыр бул щыл» освещались, я по возможности кратко напомню основные наблюдения исследователей⁸. Они тяготеют к одной из двух тенденций: возводят текст либо к культурным и литературным, либо к научным контекстам.

Культурные координаты «Дыр бул щыл» в представлении литературоведов достаточно широки. Н. Нильссон полагал, что форма стихотворения ориентируется на японские принципы стихосложения, некоторые его элементы напоминают татарский, а ассоциативный ореол произведения соотносится как с футуристическими манифестами Маринетти и Соффичи, так и с осмыслением статуса и дистрибуции повседневного и поэтического языков в модернизме. «Дыр бул щыл», согласно Нильссону, совмещает несколько культурных кодов, а интенция текста, отвечающего модернистскому запросу на преобразование жизни через искусство, заостряет национальный статус русского футуризма, соединяя в себе западное начало и начало не-европейское, «азиатское»⁹.

Соглашаясь с положениями Нильссона, свою трактовку предложил Н.А. Богомоллов. Считая, что стихотворение передает «общее впечатление от русского языка», и одновременно полагая, что оно не является набором букв / звуков, Богомоллов возвел «Дыр бул щыл» к «Нежити» (1912) В. Нарбута, тексту, примечательному своей фонетической вычурностью — обилием шипящих согласных, ударных *ы* и *у* и т.п. Кручёных, по мысли исследователя, реагировал на нарбутовские строки «в виде своеобразных анаграмм». По версии Богомоллова, элемент *дыр*, например, находит соответствие в «упругий воздух дым», *щыл* — в обилии звуков *щ* и *ы* в первой строфе «Нежити», а элементы *сдум* / *вы со бу* — в «Скребет чесалом жесткий волос: вошь бы вынуть»¹⁰. Последняя же

7 Ряд примеров см.: Левинтон Г.А. Указ. соч. С. 30–33. См. также: Клецкая С.И. Окказиональная лексикализация «Дыр бул щыл» А. Кручёных // Известия ВГПУ. 2021. № 4 (157). С. 152–158.

8 См., например, удачный, но неполный обзор: Клецкая С.И. К вопросу о стратегиях семантизации бессмысленного высказывания (на материале интерпретаций «Дыр бул щыл» А. Кручёных) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 3. (URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK320.pdf>).

9 Nilsson N.Å. Kručenyč's poem «dyr bul ščyl» // Scando-Slavica. 1978. Т. 24. Vol. 1. P. 139–148. Языковые ассоциации «Дыр бул щыл» интересовали и В.Ф. Маркова. Закономерно обратив внимание на неестественный звуковой строй, исследователь заметил, что начало стихотворения состоит из слов, напоминающих «русские или украинские» (Марков В.Ф. История русского футуризма / Пер. с англ. В. Кучерякина, Б. Останина. СПб.: Алетей, 2000. С. 43).

10 Богомоллов Н.А. «Дыр бул щыл» в контексте эпохи // Богомоллов Н.А. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 421, 423–425. Другой источник элемента *щыл* обнаружил Г.А. Левинтон. С его точки зрения, Кручёных использовал старинный русский шифр — простую литорею, в которой согласные меняются местами по определенному принципу. Ее описание было приведено в «Славяно-русской палеографии» А.И. Соболевского, где находим: «маць щыл(къ)», что означает — «радь быс(ть)» (Левинтон Г.А. Указ. соч. С. 26–27). Интерпретационный потенциал этой удачной находки, как кажется, весьма ограничен; помимо этого, в таком «сопряжении далековатых» — фактически точном — нельзя исключать случайного совпадения.

строка — *р л эз* — и вовсе может быть «расшифрована» как «поэзия <о> русской литературе»¹¹.

Концепцию Богомолова сложно признать убедительной. Предложенные генетические цепочки отличаются не столько смелостью, сколько произвольностью фонетических сопоставлений. Если «Дыр бул щыл» передает представления о русском языке, то неясно, для чего Кручёных понадобился Нарбут, — существование шипящих согласных, традиционно ассоциирующихся с дисгармоничностью, осознается носителями языка и без «Нежити». Но главное в другом: прочтение Богомолова исходит из идеи телеологичности текста Кручёных и его «зашифрованного», хотя и не всегда отчетливого смысла — идеи тем более поразительной, если помнить, что соль футуристического шедевра именно в отсутствии смысла.

Такого рода прочтения не возникли в вакууме и отчасти подкреплены авангардистским дискурсом. Так, в декларации Кручёных и Хлебникова «Слово как таковое» (сентябрь 1913 года) критиковалась звуковая инструментовка традиционной поэзии; ей противопоставлялся «Дыр бул щыл» как текст, в котором «больше русского, национального, чем во всей поэзии Пушкина»¹². Эта фраза стала дежурным комментарием к стихам Кручёных.

Однако я хочу подчеркнуть — это случай *вторичной семантизации* текста. «Дыр бул щыл» как лишенное смысла высказывание могло и может иллюстрировать любые положения и приобретать любую контекстуальную семантику. В первой публикации заумного триптиха в феврале 1913 года — до манифеста соавторов еще больше полугода — о свойствах национального языка речи не шло. Поэтому более поздний автокомментарий стоит воспринимать лишь как акт литературной борьбы.

Другое обстоятельство, способствующее семантизации «Дыр бул щыл», — счастливые находки источников заумных текстов Кручёных. Так, В.Ф. Марков и Г. Май Вей заметили, что гласные в «о е а» взяты из начала молитвы «Отче наш», а в «Высоты (вселенский язык)» — из «Символа веры», правда, не вполне последовательно¹³. И. Лоцилов возвел «Зев тыф сех» (1920) к гимну Терпандра «К Зевсу» в переводе Вяч. Иванова, а И. Виноцкий обнаружил мотивировку «Военный вызов зау» (1922) в именах индейцев из статьи Пушкина «Джон Теннер»¹⁴.

Эти находки убедительны. Однако они все же не дают оснований экстраполировать алгоритм филологической работы — обязательно искать *литературный* генезис текста — на все заумные стихи Кручёных. Методологическая унификация стирает феноменологическую уникальность «Дыр бул щыл».

-
- 11 *Богомолов Н.А.* Указ. соч. С. 433. Р.Д. Тименчик трактовал один из элементов финальной строки иначе, предположив, что эз воспринимался В. Пястом, а значит, и читателями модернизма как «индекс неологизма» *поэза (Пяст Вл. Встречи / Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, комм. Р. Тименчика. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 361).*
 - 12 *Литературные манифесты: от символизма до «Октября» / Сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. М.: Аграф, 2001. С. 137–138.*
 - 13 *Обсуждение с библиографическими указаниями см. в: Богомолов Н.А. Указ. соч. С. 422–423.*
 - 14 *Лоцилов И.* О символистских источниках двух стихотворений Алексея Кручёных // *Интерпретация и авангард / Под. ред. И. Лоцилова. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2008. С. 72–77; Виноцкий И.* Кручёных заумной поэзии. Наблюдение со спекуляцией // *Russian Literature. 2009. № I / II / III. P. 261–279.*

Более продуктивным мне представляется обращение к научным концепциям эпохи, которые оказывали на кубофутуристов сильное влияние. Е. Бобринская показала, что представления Кручёных о заумном языке складывались под влиянием психологии. Именно сквозь призму этой дисциплины, находящейся на пересечении философии и естественно-научной парадигмы, Кручёных формировал новый тип творчества и рассматривал различные культурные проявления зауми¹⁵.

Труды Ж. Шарко, П. Жане, учение З. Фрейда о бессознательном изменили представление о психике и заложили фундамент осмысления модернистского субъекта. Язык и речь стали для психологов областью, ведущей в темные глубины сознания. Связь языка и психики интересовала и футуристов, которые воспринимали «словотворческие эксперименты как еще одно средство трансформации сознания человека»¹⁶. Отсюда интерес будетлян к заговорам, детской речи и речи душевнобольных. Под влиянием сформированной культурой и наукой модернизма идеи о неразрывной связи бессознательного и творческого Кручёных обращался к разнообразным исследованиям и черпал из них и примеры зауми, и представления о собственной поэтической деятельности¹⁷.

Для Кручёных особенно были важны теории Фрейда, в частности его трактовка феномена сновидений (ряд работ психолога был переведен уже в 1900-е годы). По удачной формулировке Н. Гурьяновой, «работа зауми» имитирует, как бы «пародирует» описанные Фрейдом механики работы сознания во сне¹⁸.

Литературоведы, пытавшиеся установить точную генеалогию «Дыр бул щыл», не вполне согласны с таким представлением о русском футуризме: раз у заумных текстов есть источники, спонтанное бессознательное творчество невозможно. Эта критика, однако, не принципиальна: для искусства различие между реальным экстазом или автоматическим письмом и их имитацией не имеет значения. Проблема скорее в том, что совершенно справедливым соображениям Бобринской и Гурьяновой не хватает наглядных иллюстраций, даже несмотря на убедительный пример хлыстовской глоссолалии у Кручёных¹⁹. Источников «Дыр бул щыл» в контексте психиатрии и психоанализа обнаружено не было.

Шедевр Кручёных важно рассмотреть в другой части научного поля и обратиться к позитивистской психологии. Влияние естественнонаучных парадигм на русский авангард — как ранний, так и советский — все сильнее привлекает внимание исследователей, и нет никаких сомнений, что оно было

15 Бобринская Е. Теория «моментального творчества» А. Кручёных // Бобринская Е. Русский авангард: истоки и метаморфозы. М.: Пятая страна, 2003. С. 94–117.

16 Там же. С. 95.

17 В статье Бобринской в этом ключе обсуждаются, помимо книг Фрейда и Ламброзо, такие важные для футуристов публикации, как: «Безумие, его смысл и ценность» Н. Вавулина, «Письмо душевно-больных» В. Образцова, «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве» Д. Коновалова, «Внутренний круг» П.Д. Успенского, «Некоторые общие замечания о языковедении и языке» И. Бодуэна де Куртенэ и ряд других публикаций. О фольклорной зауми см.: Левинтон Г.А. Указ. соч. С. 17, 20–22. О роли детского языка у Кручёных и кубофутуристов см.: Weld S. Voiceless Vanguard. The Infantilist Aesthetic of the Russian Avant-Garde. Evanston: Northwestern University Press, 2014. P. 62–102.

18 Гурьянова Н. Работа зауми // 1913. «Слово как таковое»: к юбилейному году русского футуризма / Сост. и науч. ред. Ж.-Ф. Жаккар и А. Морар. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 51.

19 Бобринская Е. Указ. соч. С. 107.

существенным²⁰. Следуя за Бобринской, А. Хедберг-Оленина удачно акцентировала, насколько важную роль в концепции зауми играли модернистские представления о языке и эмоциях, а также исследования психофизиологических и графологических отклонений²¹.

Однако весьма значимые контексты экспериментальной психологии рубежа веков до сих пор ускользали от внимания исследователей феномена «Дыр бул щыл».

В начале статьи я упомянул тест Роршаха. В перспективе большой истории этот метод психологической диагностики возник в ту же эпоху модернизма, в 1921 году. Сходство перцепционного эффекта абстрактных пятен и «Дыр бул щыл» можно объяснять как типологически (в эстетике начала XX века роль воспринимающего субъекта вышла на первый план), так и исторически, подзревая взаимовлияние авангарда и академической психологии.

В самом деле, Г. Роршах (1884–1922) был тесно связан с Россией: его жена была русского происхождения, психолог не только знал русский и бывал в России, но и несколько месяцев в 1914 году практиковал в клинике Крюково под Москвой. Он слушал лекции Н. Кульбина и вживую видел Маяковского. Уже вернувшись в Европу, Роршах в 1915 году написал очерк «Психология футуризма»²².

Впрочем, еще до канонизации теста Роршаха чернильные пятна использовались как метод оценки воображения (чем больше человек может разглядеть в чернильном пятне, тем его фантазия богаче), причем у этой практики была своя предыстория²³. Одним из первых тестировать воображение кляксами начал А. Бине (1857–1911), и в начале XX века его метод стал популярным²⁴.

Такого рода диагностика была распространена и в Российской империи. Так, психолог Ф. Рыбаков (1868–1920) в специальном издании атласа психологических тестов привел как рисунки клякс, так и методику оценивания воображения²⁵. На рисунки буквально стоит взглянуть. На *ил. 2* приведены аморфные пятна, в которых, по мнению психолога, при богатстве фантазии можно заметить: «1) голову человека с бородой и в шляпе, голову какого-то животного, похожего на собаку, 2) мальчика в картузе с растопыренными руками, гнома с большой бородой»²⁶ и т. д.

20 См.: *Старкина С.* Драма В. Хлебникова «Госпожа Ленин» в свете экспериментальной психологии В. Вундта (к постановке проблемы «Хлебников и позитивизм») // *Russian Literature*. 1995. Vol. XXXVIII. № 4. P. 461–472; *Фёрингер М.* Авангард и психотехника. Наука, искусство и методики экспериментов над восприятием в после-революционной России / Пер. с нем. К. Левинсона и В. Дубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2019; *Хедберг-Оленина А.* Психомоторная эстетика. Движение и чувство в литературе и кино начала XX века / Пер. с англ. А. Баженовой-Сорокиной, А. Коваловой и А. Хедберг-Олениной. М.: Новое литературное обозрение, 2024. В указанных работах приведена обширная литература вопроса.

21 *Хедберг-Оленина А.* Указ. соч. С. 67–85.

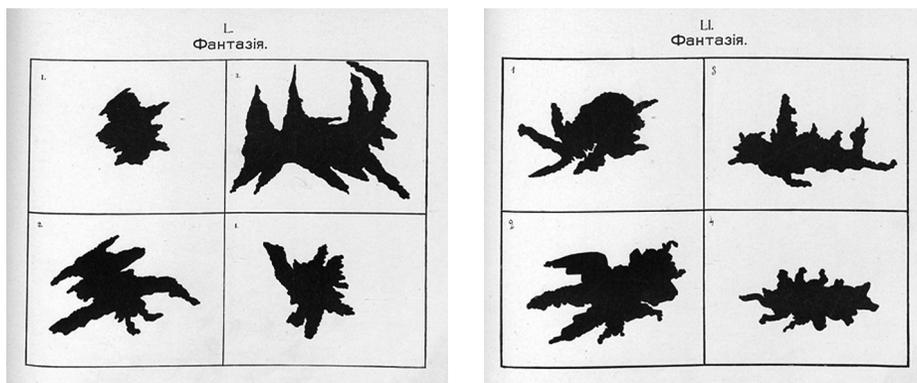
22 *Сирлз Д.* Тест Роршаха. Герман Роршах, его текст и сила видения / Пер. с англ. А. Вильготского. М.: АСТ, 2020. С. 108–123, 406.

23 *Богданов К.* Из истории клякс. Филологические наблюдения. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 44–83.

24 *Сирлз Д.* Указ. соч. С. 93–94.

25 *Рыбаков Ф.Е.* Атлас для экспериментально-психологического исследования личности с подробным описанием и объяснением таблиц. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1910. Табл. L, LI; С. 39.

26 Там же. С. 39.

Ил. 2. Рыбаков Ф.Е. Атлас для экспериментально-психологического исследования личности с подробным описанием и объяснением таблиц. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1910. Табл. L, LI.

В свете практики оценивания воображения роль рисунка Ларионова в публикации «Дыр бул щыл» (ил. 1) особо значима. Несмотря на то что иллюстрация представляет собой абстракцию, сформированную черными линиями и пустым пространством между ними, а не «залитое» пятно, как в тестах, изображения объединяют асимметричность и аморфность. Рисунок Ларионова — асемантический визуальный дубликат стихов Кручёных. В контексте его сопоставления с диагностическими кляксами вопрос о смысле иллюстрации к «Дыр бул щыл» теряет какую-либо актуальность, — рисунок, очевидно, рассчитан на работу зрительского воображения.

Функциональная близость рисунка Ларионова и «диагностических» пятен ставит вопрос, насколько для иллюстрации был важен провозглашенный художником «лучизм». Если обратиться к «лучистским» рисункам и литографиям Ларионова 1912–1913 годов, то несложно заметить, что принципы раннего «лучизма» несколько отличаются от иллюстрации к «Дыр бул щыл».

Прежде всего, линии на изображении выглядят резче и в определенном смысле действительно распадаются на лучи, переданные штрихами различной толщины и интенсивности (ил. 3); ничего подобного в «дырбулщыловской» иллюстрации нет.

Во-вторых, в 1912–1913 годах беспредметность «лучистских» полотен Ларионова была sporadicческой²⁷. Как правило, его работы того времени имели названия, которые задавали смысловую аннотацию изображению. Зная, например, что литография называется «Прогуливающаяся женщина» (ил. 3), зритель легко мог увидеть в хаосе монохромных линий и лучей очертания тела. Никаких следов названия иллюстрации к «Дыр бул щыл» обнаружить не удалось. Безымянность изображения — еще один аргумент в пользу идеи, что оно не вполне «лучистское».

«Дырбулщыловский» рисунок создавался, по-видимому, в начале 1913 года. Самому «лучизму» к тому времени было меньше полугода: новый стиль уже был придуман, но еще не был провозглашен²⁸. Лето — зима 1912 года — время

27 Иньшаков А.Н. Михаил Ларионов: русские годы. М.: Гнозис, 2010. С. 188.

28 Там же. С. 181, 191.

Ил. 3. М. Ларионов, «Прогуливающаяся женщина». Иллюстрация к книге А. Кручёных «Старинная любовь» (август 1912 года).

интенсивных «лучистских» поисков, и тогда все шло в дело: как показали искусствоведы, на Ларионова повлияли и итальянская футуристическая живопись, и иконопись, и исихастские концепции, и оккультизм, и современная наука (художник соотносил «лучизм» с четвертым измерением и радиацией)²⁹.

В таком пестром ряду психология едва ли выглядит экстраординарно. В манифесте «Лучистая живопись» Ларионов апеллировал, например, к когнитивным особенностям акта перцепции (сохраняю авторскую пунктуацию и орфографию):

Наш глаз аппарат настолько мало совершенный, что многое передаваемое нами, как мы думаем посредством зрения в мозговые центры, попадают туда правильно относительно реальной жизни, не благодаря зрению, а благодаря другим чувствам. — Ребенок видит первое время предметы вверх ногами и впоследствии этот недочет зрения исправляется другими чувствами. <...> Из этого видно, насколько важна степень нашей внутренней убежденности относительно существующих вне нас вещей³⁰.

В целом, в манифесте художника задачи живописи смещались от способов воспроизведения реальности в сторону воспроизведения *впечатлений* от реальности, имеющих определенные когнитивные закономерности. В свете интересующей меня темы фокусировка Ларионова на перцепции весьма близка к установкам позитивистов рубежа веков.

Итак, иллюстрация к «Дыр бул щыл» если и связана с лучизмом, то находится на периферии направления, а самое существенное в ней — связь с психологической диагностикой 1900–1910-х годов.

А что же стихотворение Кручёных?

На мой взгляд, оно восходит к исследованиям памяти. В золотом фонде психологии есть «закон Эббингауза» (или «кривая Эббингауза»); суть его в следующем:

29 Сарабьянов Д.В. Михаил Ларионов и художественное объединение «Маковец» // Вопросы искусствознания. 1996. № 1. С. 490–500; Иньшаков А.Н. Указ. соч. С. 186, 195–198, 207–238; Поляков В.В. Азы и узы лучизма // Михаил Ларионов / Отв. ред. Т.Л. Карпова. М.: Государственная Третьяковская галерея, 2018. С. 34–47.

30 Ларионов М. Лучистая живопись // Ослиный хвост и Мишень. М.: Издание Ц.А. Мюнстер, 1913. С. 95–96.

...при увеличении объема предъявленного для запоминания ряда число повторных предъявлений, необходимых для безошибочного воспроизведения всего ряда, возрастает гораздо быстрее, чем сам объем ряда. Так, если испытуемый способен правильно воспроизвести 8 цифр с одного предъявления, то для безошибочного воспроизведения 9 цифр ему может понадобиться 3–4 предъявления. Сам Эббингауз нашел, что если за одно предъявление испытуемый правильно воспроизводит 6–7 бессмысленных слогов, <...> то для воспроизведения 12 слогов ему потребуется 16 предъявлений, а для 24 слогов — 44³¹.

В свете сюжета статьи существенно, что в экспериментах Г. Эббингауз (1850–1909) стремился избежать влияния на память любых семантических факторов, а потому использовал *бессмысленные трехбуквенные слоги*.

Эксперименты Эббингауза открыли новую страницу когнитивной психологии. Исследователь опубликовал монографию «Über das Gedächtnis» («О памяти») в 1885 году, и с тех пор его открытие было многократно подтверждено. К концу 1912 года эксперимент Эббингауза был хорошо известен в России. Вот несколько примеров его описания в то время (опускаю пересказы без слоговых иллюстраций, как, например, в работе А. Нечаева 1901 года или трудах В. Бехтерева 1907–1912 годов³²):

В. Серебряников: Чтобы слоги представляли одинаковые трудности для заучивания, все они были построены по одному и тому же типу. Каждый слог состоял из трех букв: гласной и двух согласных. Гласная стояла в середине, а согласные по бокам (*бар, вис, гет* и т. д.) При соединении слогов в ряды наблюдалось, чтобы из слогов, стоящих рядом, не получалось какого-либо понятного слова или фразы³³.

Г.И. Челпанов: В одном стихотворении может быть для меня больше, чем в другом, знакомых слов, а потому оно может быть изучено скорее, чем другое. Поэтому стихотворения не могут представлять для нас подходящего материала для изучения. Эббингауз думает, что слоги, не имеющие никакого смысла, представляют самый подходящий материал для этого. Слоги эти составляются следующим образом (Я для упрощения беру русские слоги). Берутся гласные, напр., *a, e, u, o, y* и т. д. и с обеих сторон к ним приставляются по согласному так, чтобы получился слог. Напр., *рон, гар, дец*, и т. п. При этом всячески следует избегать, чтобы в этом случае получались слоги, имеющие какой-нибудь смысл³⁴.

Россыпь необходимых для оценки памяти бессмысленных слогов приводит Ф. Рыбаков (*ил. 4*; в левой таблице необходимо обратить внимание только на первые два столбца).

Я полагаю, что как минимум первая строка «Дыр бул щыл» восходит к экспериментам Эббингауза и его последователей. На мой взгляд, нет необходимости искать в экспериментальных списках слогов конкретных повторений

31 Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. (Экспериментальная психология. Т. 1). СПб.: Издательство ДНК, 2000. С. 138.

32 См.: Нечаев А.П. Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. С. 176–179; Бехтерев В.М. Объективная психология. М.: Наука, 1991. С. 196–200.

33 Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XL. СПб.: Типография Акц. Общ. Брокгауз–Эфрон, 1904. С. 105.

34 Челпанов Г. О памяти и мнемонике. Изд. 2-е. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. С. 116.

VII.			
Воспріятіє.			
1.	2.	3.	4.
нав	пак	Мѣль	Сѣть
фир	лез	Графъ	Вкусъ
рум	пер	Гротъ	Конь
нод	зак	Внукъ	Боръ
вох	шул	Грибъ	Ночь
тил	бод	Серпъ	Зонтъ
лаг	сав	Цѣль	Челнъ
диш	гос	Звонъ	Вихрь
вем	кам	Брань	Міръ

XXVII.		
1.	2.	3.
пон-мес	лод-гор	вер-чипи
вас-гол	мур-тае	бик-лув
вон-гют	тар-фан	жон-кер
пер-шан	оск-нам	туб-хас
зак-пор	кре-каз	шук-гун
чес-рин	дил-хат	дан-лез
сан-дох	чоп-руд	мос-нид
пор-лам	лав-док	сеп-тяр
фор-доб	про-мос	боз-тек

Ил. 4. Рыбаков Ф.Е. Атлас для экспериментально-психологического исследования личности с подробным описанием и объяснением таблиц. М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1910. Табл. VII, XXVII.

(хотя можно было бы порассуждать о своеобразных «рифмах», — как, например, *шул* и *щыл*). Дело не в том, что материал не дает совпадений, а в том, что Кручёных — как поэт, то есть создатель *новых* высказываний, — и не должен был точно воспроизводить экспериментальные элементы. В этом ракурсе обращу внимание на цитату из Челпанова: философ и психолог недвусмысленно говорит о свободной комбинаторике элементов для создания теста, и это открывает возможность любому попробовать свои силы в специфической зауми. Более того, Челпанов отчетливо, хотя и невольно, противопоставляет научный и поэтический дискурсы, бросая вызов иному поэту-модернисту. Вызов, который автор «Дыр бул щыл», надо полагать, смело принял.

Знакомство Кручёных с общеизвестными в науке 1910-х годов мнемоническими экспериментами вполне возможно. В его пользу свидетельствуют (помимо научных интересов) социальные связи поэта. Одним из самых близких к Кручёных человеком в начале 1910-х годов был Кульбин, художник, теоретик авангарда и одновременно — доктор медицины, врач Главного штаба, приват-доцент Военно-медицинской академии, где его коллегой был, например, Бехтерев. Кульбин был автором академических работ, связанных с современной психологией (например, в 1907 году он опубликовал брошюру «Чувствительность. Очерки по психометрии и клиническому применению ее данных», уже заглавие которой ведет в область когнитивных экспериментов). Академическую сторону личности авангардиста подчеркивал Н. Евреинов, называя его «доктором Кульбиным», «психометром и диагностом»³⁵.

Соавтор и иллюстратор Кручёных в своих выступлениях регулярно апеллировал к научному дискурсу эпохи, говоря то о «психологическом законе контраста», то о фосфенах, то о «динамическом принципе в психологии»³⁶. Кульбин по долгу службы не мог не знать об опытах Эббингауза. Трудно представить, что он не обсуждал с соратниками-футуристами актуальную науку. Я полагаю, что Кручёных узнал о мнемонических экспериментах из общения

35 Цит. по: Альманах «Аполлон». Т. 1. Кн. 2. Кульбин. Документы / Под ред. Б.М. Калаушина. СПб.: Аполлон, 1995. С. 208.

36 См.: Там же. С. 10, 15, 22, 125.

с Кульбиным (при этом нельзя исключать и посредничество увлеченных наукой Хлебникова и Матюшина).

На мой взгляд, сказанного достаточно, чтобы считать источником «Дыр бул щыл» материалы тестирования памяти и, шире, модернистские естествен-нонаучные идеи, а также увидеть в начале заумного шедевра Кручёных поэтическую строку, которая воспроизводит предъявление испытуемым бессмысленных трехбуквенных слогов в экспериментах в духе Эббингауза. Кручёных апроприировал материал современной психологии: наделил его новой прагматикой и поместил в новую когнитивную и, соответственно, эстетическую рамку. В результате возник текст, подрывающий культуру изнутри.

Это *минимальная* трактовка «Дыр бул щыл» и его контекстов. Возможна и расширенная, *максимальная* интерпретация.

Обсуждая эксперименты Эббингауза, я сосредоточился на их материалах — бессмысленных слогах. Но не менее важно, что эти эксперименты доказывали существование универсальных и объективных законов работы памяти. Другой авторитетный психолог, В. Вундт (1832–1920), утверждал: «шесть простых впечатлений представляют собою границу объема внимания», — имея в виду акт одномоментного осмысленного восприятия, включающий и внимание как таковое, и то, что сейчас называют кратковременной памятью³⁷. Во второй половине XX века когнитивист Дж. Миллер опубликовал статью, в которой постулировал, что сознание способно одновременно помнить 7 ± 2 элементов, и назвал это число «магическим»³⁸. Несколько обобщая, можно сказать, что представление о количестве запоминаемых элементов за век существенно не изменилось.

Напрашивается предположить, что текст «Дыр бул щыл» обладает формальными характеристиками, удобными для нашей памяти и способствующими его мемориализации. Здесь, конечно, возникает сложность: что считать элементом текста — строки (5 элементов) или слоги (тах 13 элементов, включая сонорные *p* и *l*). «Магическому числу» 7 ± 2 может соответствовать и текст целиком, и его первые две строки, которые воспроизводились и воспроизводятся чаще всего.

Если придерживаться точки зрения, что каждая строка — один элемент, то сложно не прийти к выводу, что стихотворение «Дыр бул щыл» было психологическим экспериментом, поставленным, однако, не в условиях научной лаборатории, а в пространстве культуры как таковой. Стихи Кручёных — это, по сути, предъявление публике и всякому читателю набора лишенных смысла единиц, (квази)эстетических стимулов, призванных проверить особенности внимания и памяти культуры. Поскольку от количества предъявлений материал все лучше запоминается, неудивительно, что текст «Дыр бул щыл» обеспечил себе мнемоническое бессмертие.

37 Вундт В. Введение в психологию / Пер. с нем. Н. Самсонова. М.: Космос, 1912.

38 Miller G. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two // The Psychological Review. 1956. Vol. 63. P. 81–97.

Библиография / References

- Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. (Экспериментальная психология. Т. 1). СПб.: Издательство ДНК, 2000.
(*Allakhverdov V.M.* Soznanie kak paradoks. (Eksperimental'naya psikhologika. T. 1). Saint Petersburg, 2000.)
- Бобринская Е.* Русский авангард: истоки и метаморфозы. М.: Пятая страна, 2003.
(*Bobrinskaya E.* Russkiy avangard: istoki i metamorfozy. Moscow, 2003.)
- Богданов К.* Из истории клякс. Филологические наблюдения. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
(*Bogdanov K.* Iz istorii klyaks. Filologicheskie nablyudeniya. Moscow, 2012.)
- Богомолов Н.А.* Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
(*Bogomolov N.A.* Vokrug «serebryanogo veka»: Stat'i i materialy. Moscow, 2000.)
- Виницкий И.* Крупушки заумной поэзии. Наблюдение со спекуляцией // Russian Literature. 2009. № I / II / III. P. 261–279.
(*Vinitsky I.* Krupushki zaumnoy poezii. Nablyudeniye so spekulyatsiyey // Russian Literature. 2009. № I / II / III. P. 261–279.)
- Вундт В.* Введение в психологию / Пер. с нем. Н. Самсонова. М.: Космос, 1912.
(*Wundt W.* Einführung in die Psychologie. Moscow, 1912. — In Russ.)
- Гурьянова Н.* Работа зауми // 1913. «Слово как таковое»: к юбилейному году русского футуризма / Сост. и науч. ред. Ж.-Ф. Жаккар и А. Морар. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. С. 46–58.
(*Gurianova N.* Rabota zaumi // 1913. «Slovo kak takovoe»: k yubileynomu godu russkogo futurizma / Ed. by J.-Ph. Jaccard and A. Morard. Saint Petersburg, 2015. P. 46–58.)
- Иньшаков А.Н.* Михаил Ларионов: русские годы. М.: Гнозис, 2010.
(*Inshakov A.N.* Mikhail Larionov: russkie gody. Moscow, 2010.)
- Клецкая С.И.* К вопросу о стратегиях семантизации бессмысленного высказывания (на материале интерпретаций «Дыр бул шыл» А. Кручёных) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 3. (URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK320.pdf>).
(*Kletskeya S.I.* K voprosu o strategiyakh semantizatsii bessmyslennogo vyskazyvaniya (na materiale interpretatsiy «Dyr bul shchyl» A. Kruchonykh) // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya. 2020. № 3. (URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/20FLSK320.pdf>))
- Клецкая С.И.* Окациональная лексикализация «Дыр бул шыл» А. Кручёных // Известия ВГПУ. 2021. № 4 (157). С. 152–158.
(*Kletskeya S.I.* Okkazonal'naya leksikalizatsiya «Dyr bul shchyl» A. Kruchonykh // Izvestiya VGPU. 2021. № 4 (157). P. 152–158.)
- Левинтон Г.А.* Статьи о поэзии русского авангарда. Helsinki: University of Helsinki, 2017.
(*Levinton G.A.* Stat'i o poezii russkogo avangarda. Helsinki, 2017.)
- Лоцилова И.* О символистских источниках двух стихотворений Алексея Кручёных // Интерпретация и авангард / Под. ред. И. Лоцилова. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2008. С. 72–77.
(*Loshchilov I.* O simvolistskikh istochnikakh dvukh stikhotvorenyiy Alekseya Kruchonykh // Interpretatsiya i avangard / Ed. by I. Loshchilov. Novosibirsk, 2008. P. 72–77.)
- Марков В.Ф.* История русского футуризма / Пер. с англ. В. Кучерявкина, Б. Останина. СПб.: Алетейя, 2000.
(*Markov V.F.* Russian Futurism: a History. Saint Petersburg, 2000. — In Russ.)
- Панова Л.* Мнимое сиротство: Хлебников и Хармс в контексте русского и европейского модернизма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017.
(*Panova L.* Mnimoe sirotstvo: Khelebnikov i Kharms v kontekste russkogo i evropeyskogo modernizma. Moscow, 2017.)
- Поляков В.В.* Азы и узы лучизма // Михаил Ларионов / Отв. ред. Т.Л. Карпова. М.: Государственная Третьяковская галерея, 2018. С. 34–47.
(*Polyakov V.V.* Azy i uzy luchizma // Mikhail Larionov / Ed. by T.L. Karpova. Moscow, 2018. P. 34–47.)
- Сарабьянов Д.В.* Михаил Ларионов и художественное объединение «Маковец» // Вопросы искусствознания. 1996. № 1. С. 490–500.
(*Sarabianov D.V.* Mikhail Larionov i khudozhestvennoye ob'edineniye «Makovets» // Voprosy iskusstvovoznaniya. 1996. № 1. P. 490–500.)
- Сирлз Д.* Тест Роршаха. Герман Роршах, его текст и сила видения / Пер. с англ. А. Вильготского. М.: АСТ, 2020.
(*Searls D.* The Inkblots: Hermann Rorschach, His Iconic Test, and the Power of Seeing. Moscow, 2020. — In Russ.)

- Старкина С.* Драма В. Хлебникова «Госпожа Ленин» в свете экспериментальной психологии В. Вундта (к постановке проблемы «Хлебников и позитивизм») // *Russian Literature*. 1995. Vol. XXXVIII. № 4. P. 461–472.
- (Starkina S.* Drama V. Khlebnikova «Gospozha Lenin» v svete eksperimental'noy psikhologii W. Wundta (k postanovke problemy «Khlebnikov i pozitivizm») // *Russian Literature*. 1995. Vol. XXXVIII. № 4. P. 461–472.)
- Фёрингер М.* Авангард и психотехника. Наука, искусство и методики экспериментов над восприятием в послереволюционной России / Пер. с нем. К. Левинсона и В. Дубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2019.
- (Vöhringer M.* Avantgarde und Psychotechnik. Wissenschaft, Kunst und Technik der Wahrnehmungsexperimente in der Frühen Sowjetunion. Moscow, 2019. — In Russ.)
- Хедберг-Оленина А.* Психомоторная эстетика. Движение и чувство в литературе и кино начала XX века / Пер. с англ. А. Баженовой-Сорокиной, А. Коваловой и А. Хедберг-Олениной. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
- (Hedberg Olenina A.* Psychomotor Aesthetics: Movement and Affect in Modern Literature and Film. Moscow, 2024. — In Russ.)
- Янечек Д.* Стихотворный цикл А. Кручёных «Дыр бул щыл» // Проблемы вечных ценностей в русской культуре и литературе XX века / Сост. и науч. ред. В.И. Хазан. Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет, 1991. С. 35–43.
- (Janecek G.* Stikhotvornyy tsikl A. Kruchyonykh «Dyr bul shchyl») // *Problemy vechnykh tsenostey v russkoy kul'ture i literature XX veka* / Ed. by V.I. Khazan. Groznyy, 1991. P. 35–43.)
- Janecek G.* Zaum: The Transrational Poetry of Russian Futurism. San Diego: San Diego State University Press, 1996.
- Nilsson N.Å.* Kručenykh's poem «dyr bul ščyl» // *Scando-Slavica*. 1978. T. 24. Vol. 1. P. 139–148.
- Miller G.* The Magical Number Seven, Plus or Minus Two // *The Psychological Review*. 1956. Vol. 63. P. 81–97.
- Weld S.* Voiceless Vanguard. The Infantalist Aesthetic of the Russian Avant-Garde. Evanston: Northwestern University Press, 2014.